
Мой адрес - не дом и не улица...

Глава II

*Все, что в жизни
есть у меня*

Я не случайно посвятил первую главу своей книги песням нашего ансамбля. Дело в том, что именно песни стали фундаментом мощного строения, созданного и сохраненного теми, кто исполняет эти песни долгие годы, сделав их достоянием не только российской эстрады, но и отечественного искусства в целом.

Ансамбль «Самоцветы» и добрым именем, и популярностью, и своей долгой жизнью на эстраде, то есть всем, что «в жизни есть у него», целиком обязан песням, с которыми выходили и выходят к зрителям его певцы и музыканты. Мы всегда помним об этом. И даже когда меняется состав исполнителей ансамбля, песни в репертуаре «Самоцветов» остаются. А теперь самое время рассказать о том, как родился наш коллектив.

Скажу без ложной скромности, что создание ансамбля легкой музыки в советское время — большая сложность. Для реализации такого проекта необходима была суперсовременная звуковая аппаратура, которая на наших фабриках и заводах не производилась. Люди, увлеченные музыкой этого направления, изыскивали самые невероятные пути приобретения инструментов: кто-то делал их сам, другие заказывали у умельцев, зарабатывающих изготовлением самодеятельных гитар и колонок.

Кстати, дело это было скорее наказуемое, чем поощряемое. Стоит вспомнить автора-исполнителя из Екатеринбурга Александра Новикова. Любимый и почитаемый публикой, он в молодости угодил за тюремную решетку именно за изготовление инструментов, которые делал так классно, что отличить их от «заокеанских» было очень трудно. К тому же песни Александра Новикова своей остротой и откровенным вызовом скорее раздражали, чем радовали курирующих искусство Свердловска чиновников.

Я гитары делать не умел, где купить их в Советском Союзе не знал. Поэтому у меня на этот счет были свои конкретные соображения: приобрести инструменты там, где их делают и продают. Кстати, трудности на пути создания ВИА не ограничивались одним техническим оснащением. Только по молодости можно выдержать тот сумасшедший ритм и жизненное напряжение, которые потребовались, чтобы создать ансамбль в то время. И при этом без веры, что все получится, вообще бы ничего не свершилось...

Аппаратура аппаратурой, но самым трудным оказалось собрать и создать команду единомышленников. Сколько же я тогда встреч провел, сколько разговоров «переразговаривал» и сколько песен прослушал! Даже вспомнить страшно: кому-то хотелось петь только на английском и обязательно песни Beatles, кто-то мечтал о репертуаре Rolling Stones; находились, правда, и такие, кто больше всего на свете «уважал» советские песни... У одних были хорошие голоса, у других фактурная внешность, третьи прекрасно владели гитарой, четвертые просто хотели «прыгать» на сцене.

Объединить всех этих людей общей идеей было просто невозможно. Я буквально с ума от безысходности ситуации — я-то мечтал о создании вокально-инструментального ансамбля, а это творчество коллективное.

Шкала трудностей творческого порядка буквально «зашкаливала». Как это ни смешно сейчас звучит, но в 70-е годы артистов, способных одновременно петь, играть на музыкальном инструменте и обладать актерским дарованием, найти было очень трудно. Для тех лет это был так называемый штучный товар.

У нас тогда эстрадного образования как такового просто не существовало. Это потом, не только в ГИТИСе, но и в Гнесинке, и в музыкальном училище имени Октябрьской революции появились эстрадные отделения, готовящие кадры для этого направления в искусстве.

Контроль за нашей творческой деятельностью, довольно серьезный и навязчивый, ощутило сужал рамки художественных задумок. Дело в том, что в основном выдвигались требования, ограничивающие любые поиски в музыке мира эстрады, на корню пресекались какие-либо фантазии, а также заимствование западных образцов. Я уже не говорю о дилетантском уровне, на котором делались все эти грозные указания: как петь, что играть и как при этом стоять на сцене...

«Контролеров» в те времена насчитывалось чуть ли не больше, чем появившихся на свет ансамблей. На фирме «Мелодия» лютовал художественный совет, на родном ТВ и радио процветала жесткая цензура. Довольно бдительно следили за нашими попытками добиться успеха на базе ВИА сотрудники Министерства культуры и Главного управления культуры Моссовета. Надо сказать, что «Самоцветы» неприятности с кураторами от искусства обошли стороной. Что касается Главка, то там должность нашего куратора занимала выпускница ленинградской консерватории Ольга Михайловна Королькова, которая всегда понимала нас и поддерживала наши творческие прожекты. Благодарю ее за все доброе, что она сделала для нас.

***

Я уже говорил, что название свое мы взяли из текста нашего первого шлягера «Увезу тебя я в тундру» и официально «Самоцветами» объявили себя 15 ноября 1971 года. А до этого мы скрупулезно вели поиски броского названия, даже конкурс объявляли на лучшее имя для нашего ансамбля, и в результате сами этот конкурс и выиграли.

Сейчас, вспоминая былое, и несмотря на все трудности, которые пришлось пережить, очень часто повторяю: «Как

нам было хорошо!». Действительно, зрители сразу полюбили ансамбль, а зрительская любовь – могучая сила! Чиновники на нас не очень «давили», и среди них встречались даже единомышленники. Достаточно вспомнить наших кураторов Сергея Мелика, Володю Ковалева, Лешу Стрельцова. В отношении репертуара у нас тоже неприятностей не происходило. Помню, как однажды Министерству культуры СССР идеологический отдел ЦК КПСС дал серьезную команду пересмотреть репертуар всех музыкальных эстрадных коллективов. Это был довольно суровый и жесткий отсмотр – своего рода переаттестация. Тогда многим коллективам просто запретили выступать. А бывали и такие случаи, когда вокально-инструментальные ансамбли, сами испугавшись препон, объявляли о своем уходе со сцены. Если честно, то я не очень волновался и уж совсем не испугался, даже никаких поправок и корректив в репертуар ансамбля не вносил. Когда собралась комиссия во главе с первым заместителем министра культуры, мы просто

На гастролях в Латинской Америке. 1975 год

исполнили песни из нашего постоянного репертуара. Замечаний и указаний в адрес «Самоцветов» мне как художественному руководителю не поступило.

***

Я уже упоминал, что у нашего ВИА имя появилось не сразу, а вот аппаратура, об этом говорю с гордостью, с первых дней нашего рождения у нас была самая лучшая — японская; тогда, по-моему, единственная в СССР. И приобрел я ее на собственные деньги. Произошло это так. Будучи выпускником московской консерватории, я в 1970 году вошел в состав делегации, выезжающей на выставку «Экспо-70» в Японию. Это была редкая удача. В стране восходящего солнца я проработал около восьми месяцев, в сутки получал по одиннадцать долларов и, худо-бедно, скорее бедно, чем худо, — но сэкономил кое-какие деньги. Экономить, правда, пришлось на всем. Сейчас неловко вспоминать, но я даже подарка своей жене Люсе не привез, уже не говоря о крошечном Димочке.

Мои близкие так ждали моего возвращения в Москву, а я явился через восемь месяцев с пятнадцатью ящиками технических «причиндалов» для своего будущего ансамбля и... все. Гол как сокол. Правда, дома мое явление с неподъемным грузом музыкальной техники восприняли как должное. Люся вообще всегда и все понимала с полуслова. Я очень счастливый человек: мне никогда и ничего не надо было доказывать жене, убеждать ее в чем-то, выдвигать какие-то требования, «размахивать» творческими стягами. Люся в любых моих начинаниях поддерживала меня, и я всегда чувствовал рядом ее надежное плечо.

Так было и тогда, в 70-м году. Все приобретенные мною гитары, микрофоны, комбики, колонки и другая продукция фирмы «Yamaha» были одобрены и приняты Люсей как самый дорогой подарок. Я, конечно, понимаю, что никакой особой радости она при этом не испытывала.

Прошло 9 месяцев и, как полагается нормальному детищу, на свет появилось мое творение — ВИА Юрия Малико-

ва. Наш первая встреча со зрителями состоялась на сцене Зеленого театра сада «Эрмитаж». Это была очень популярная у артистов сцена, а сам театр являлся «старожилом» в артистической Москве: он открылся летом 1921 года. Любопытно, что сначала у этого театра даже крыша отсутствовала, а над сценической площадкой, заменяя крышу, склонялись ветви старых деревьев. Но мы-то вышли на эту сцену через полвека и, конечно, она уже мало чем отличалась от остальных эстрадных площадок Москвы.

Забыть наше первое выступление просто невозможно. Господи, как же я тогда волновался! Это был сборный концерт и, стоя на сцене, я с трепетом наблюдал, как звукорежиссер включает в розетку вилку нашего удлинителя. Мы включились! Мы спели три наши песни! Наконец-то это свершилось! Как теперь сказали бы — мечты сбываются.

Правда, находясь в особом волнительном настроении и в ажиотаже радостных эмоций, я все-таки уловил ухом ка-

В саду «Эрмитаж». 1972 год

кие-то звуковые нестыковки. Готовясь к выступлению, мы много и долго репетировали, и звук меня всегда удовлетворял, а тут... — что-то шло не так.

— Конечно, — говорил я сам себе, — на репетициях все звучало гораздо громче...

Как мы потом выяснили, для нашего вокально-инструментального ансамбля первая встреча со зрителем могла стать последней. У нас тогда повсеместно напряжение было 127 вольт, а я привез из Японии аппаратуру, рассчитанную на 220 вольт. Никто внимания на это, как ни странно, не обратил. Но судьба сжалилась над нами, и трагедии не произошло, хотя мы буквально висели на тонком волоске. Даже сейчас, по прошествии стольких лет, мне страшно подумать, что мое бесценное приобретение, дорогое в финансовом, а еще более в творческом смысле, могло в одночасье сгореть, погибнуть на моих глазах, и я ничем не мог бы ему помочь. Об этой накладке, к счастью, мы узнали уже после концерта.

На сцене нам и творческого волнения хватило. Я плохо помню, как нас тогда принимали. Больше всего беспокоил-

Юбилейный концерт в саду «Эрмитаж». 2006 год

Юбилейный концерт в саду им. Баумана. 2006 год

ся о том, как ансамбль звучит, и старался, чтобы зрители не заметили, как у меня дрожат коленки. Да и голос, наверное, тоже заметно дрожал. Но мы мужественно исполнили свои песни и ушли под добрые аплодисменты зрителей.

Прошло 35 лет, и осенью 2006 года, готовясь к нашему юбилею, мы в саду «Эрмитаж», на том самом месте, где была сцена Зеленого театра, провели концерт и исполнили знаковые для «Самоцветов» песни, с которыми впервые вышли на суд зрителя в 1971 году. Именно в саду «Эрмитаж», словно возвращаясь на круги своя, мы открыли череду наших юбилейных акций.

Конечно, я опять очень волновался, но это естественно: наверное, любой человек, встречаясь со своей юностью, испытывает волнение. Выступали мы на открытой веранде, крыши над нами не было, как ее не было и над теми, кто радовал зрителя своим искусством в 1921 году. Когда-то те артисты и музыканты были для нас историей эстрады, теперь к ним можно отнести и «Самоцветы». Мы стали первопроходцами нового направления в популярном и массовом жанре эстрады.

На этом концерте присутствовали все солисты нашего вокально-инструментального ансамбля разных лет. Потом мы повторили эту программу в том же составе на эстрадной площадке сада имени Баумана. Нам было так душевно и хорошо всем вместе! Вокруг нас воцарилась какая-то домашняя атмосфера искренности, доброжелательности, сердечности. Я думаю, что творческого доброго заряда от этого концерта нам хватит еще на 35 лет.

***

С первых шагов творческого пути «Самоцветов» я активно противился такому названию созданного мною коллектива, как «группа». Для меня было очень важно в профессиональном и творческом смысле точно определить статус нового коллектива на эстраде.

«Самоцветы» — не группа! Мы — вокально-инструментальный ансамбль. Отстаивал я этот официальный титул «Самоцветов» довольно долго. И не потому, что статус ВИА зарегистрирован в вышестоящих организациях — там как раз не возникало никаких сложностей с этим определением. А на конференциях, представляющие нас зрителям на разных площадках, словно сговорились, и все время старались «подать» нас именно как ГРУППУ.

Помню, однажды на концерте перед выходом на сцену подходит ко мне ведущий с вопросом, который уже стал традиционным: «Как мне вас объявлять?». Я отвечаю: «Как вокально-инструментальный ансамбль». Он заверяет меня в полном понимании, выходит на сцену, и я слышу: «Выступает вокально-инструментальный ансамбль — группа «Самоцветы». Что тут скажешь? И так бывало частенько.

Сейчас, к сожалению, даже молодые люди, которые увлекаются эстрадой, просто-напросто не знают, что вокально-инструментальный ансамбль и группа — абсолютно разные понятия. ВИА — это особый жанр. В группе, как правило, всегда есть лидер-солист и три — четыре музыкан-

та. И лидер — главное, что определяет художественную и музыкальную значимость группы. Уходит лидер из группы, и она, как правило, распадается. С приходом нового лидера изменяется «лицо» группы.

Ансамбль — совсем другое дело. Это совместное творчество довольно большого количества людей, солидный музыкальный коллектив, в котором работают, репетируют, попеременно солируют разные музыканты. И если кто-то из них по какой-то причине выбывает из «игры», то приходят новые певцы и музыканты, которые, как артисты в драматическом театре, прочно становятся своими в «труппе» ансамбля, и тот продолжает существовать, как и прежде, только уже с новым творческим составом... А о слове «группа» мы поговорим позже.

На гастролях в городе Иваново. 1982 год

***

Мы на эстраде живем довольно долго, и самое главное, что «Самоцветы», пережив и трудные времена, и радость «ренессанса», не утратили ни чувства современности, ни чувства своей нужности зрителю и жанру. Да, возраст, исчисляемый десятилетиями, для эстрадного коллектива — явление нечастое. В канун 35-летия ансамбля мне не раз приходилось отвечать на вопросы о такой долгой жизни на эстраде. С особым удовольствием делаю это в своей книге, констатируя данное явление как исторический факт.

Прежде всего, спасибо зрителям, их интересу к нашему творчеству, хорошему вкусу и удивительной преданности. Земной поклон им за любовь и верность. Мы же со своей стороны просто «задействовали» и все эти годы «лелеяли» три самых главных компонента: это композитор, который сочиняет мелодию, поэт, способный органично вложить свои стихи, душу и мысли в музыкальное произведение и,

ВИА «Самоцветы». 1983 год

наконец, точное, доверительное исполнение, передача зрителю идей композитора и поэта. Когда все три компонента гармонично сосуществуют, то зритель принимает их душой и разумом. В этом и состоит секрет долголетия нашего ансамбля – мы отвергаем всякое бездумье слов и бессмыслие звуков. Наш зритель все эти годы сосуществует в согласии с нами. Он знает наши песни, поет их, и мы с ним едины в их оценках.

Я глубоко убежден, что в трудные времена нас спасали хорошие песни талантливых композиторов и поэтов, профессиональные аранжировки и, конечно, далеко не последнюю роль сыграло качество и душевность исполнительской манеры участников ансамбля, за что нас и полюбили сразу же зрители. Спасибо им за любовь и веру в нашу творческую состоятельность – это была та самая поддержка, которая помогла нам «БЫТЬ И ЕСТЬ».

***

Я очень долго вынашивал идею создания этой книги, и мне было радостно работать над ней. Когда я ее только задумывал, мне часто задавали вопрос: «А тайны какие-нибудь ты нам раскроешь?» Я бы рад, но только у меня тайн нет, а чужих не знаю, да и не особенно они мне интересны. Честно говоря, очень сомневаюсь, что сейчас вообще какие-то тайны, кроме, разумеется, коммерческих, существуют. У нас же есть телевизионный экран, не говоря об Интернете и желтой прессе, подчас напоминающих замочную скважину, в которую не только любопытной соседке, но всем миром при желании можно наблюдать за интимной жизнью любого известного человека, если, конечно, он этого захочет. А я не хочу!

Книга эта не только обо мне, хотя я, без ложной скромности, понимаю, что страницы жизнеописания того, кто создал ВИА «Самоцветы», то есть мои поиски, ошибки, находки и просто жизнь, неотрывны от ансамбля, а значит, тоже должны найти отражение на страницах книги, войти

в историю. Мне дорого все, что связано с моим детищем, и даже ... предательства.

Готовясь к нашему 35-летию, мы разработали целый ряд мероприятий, посвященных празднованию юбилея «Самоцветов». 9 ноября 2006 года в конференц-зале РИА «Новости» мы провели пресс-конференцию. Вспоминая различные события из жизни нашего коллектива, мы горячо и заинтересованно обсуждали сегодняшнюю жизнь «Самоцветов» и приближающийся юбилей, который планировали отметить на сцене Государственного Кремлевского Дворца большой концертной программой «Вся жизнь впереди». Название, конечно, мы выбрали очень оптимистическое, а программа задумывалась как грандиозное представление, в котором предполагалось задействовать сто звезд эстрады и все известные советские и российские ВИА. На той пресс-конференции я откровенно говорил и о своих волнениях, связанных с реализацией наших фантазий на юбилейную тему, и о тревоге за судьбу российской эстрады в целом, которая меня, человека, отдавшего ей жизнь, просто не может не волновать.

— За прошедшие годы, — сказал я, — в активе нашего вокально-инструментального ансамбля собралось более 500 произведений, но самых известных, любимых и постоянно исполняемых — не больше ста. Считаю это вполне нормальным явлением для действующего вокально-инструментального ансамбля. Многие наши песни никогда не звучали по радио, не показывались в программах ТВ и не были записаны на дисках «Самоцветов». Сегодня с новыми песнями сложно, и мы редко включаем их в свой репертуар. В 90-х годах у нас произошел вынужденный перерыв в творчестве, и сейчас мы ведем большую работу по восстановлению репертуара, то есть тех песен, исполнения которых ждут наши зрители. Я считаю это очень важным — первостепенным — делом. Конечно, не очень радостно об этом говорить, но сейчас другое поколение, другие песни, другие авторы, да и исполнители тоже другие. К сожалению, ныне даже известные композиторы в большинстве своем стремятся угодить вкусам нового поколения, и их песни разительно отличаются по душевности и красоте зву-

чания от тех, что были созданы ими ранее. И при всем уважении к былым заслугам этих маэстро мы вынуждены отказать от их песен, так как дорожим авторитетом нашего ансамбля, который и ныне живет и процветает.

Юбилейная пресс-конференция прошла очень хорошо. Атмосфера этого собрания порадовала меня добрым и уважительным отношением журналистов разных поколений к ВИА, чья молодость, в общем-то, уже миновала. Знакомя молодых с нашей юностью, мы показали им редкие архивные записи выступлений прошлых лет, в том числе и сделанную в 1972 году запись песни «Если будем мы вдвоем». Эта песня прозвучала на фестивале в Дрездене и вошла в сборник «ВИА мира» наряду с композициями The Beatles и Rolling Stones.

Юбилей знаменателен не только тем, что это встреча с искренними и добрыми друзьями. Это еще и повод вспомнить прожитое и поведать миру много интересного из биографии виновника торжества, рассказать о прекрасном, неизвестном и чарующе забытом... На пресс-конференции мы вспоминали, как в былые времена наш ансамбль вместе с «Го-

ВИА «Самцветы». 1973 год

любыми гитарами» за две недели дал 64 концерта, а однажды в воскресенье мы отработали целых 5 сольных выступлений во Дворце спорта города Свердловска. Рекордным мы считаем для себя 1975 год, когда за один месяц дали 124 концерта!

Готовясь к этой пресс-конференции, я еще раз убедился, что судьба ко мне благосклонна, за что я ей сердечно благодарен. Дело в том, что мне удалось обнаружить в архиве наш фильм, снятый в 1973 году, — это ли не подарок свыше! В старину бытовала поговорка: «Дорого яичко ко Христову дню». Найди я утерянный фильм годом раньше или позже, просто отметил бы это как свершившийся факт. А то, что он обнаружился именно к юбилею, и мы смогли его показать на пресс-конференции — это уже история «Самоцветов» в кинокадрах и своеобразный документ. В фильм вошли замечательные хиты: «Увезу тебя я в тундру», «Мой адрес — Советский Союз», «Снежинка», «Верба»... Кстати, в «Вербе» прозвучал мой собственный голос. Я, грешный, уже и забыл, что когда-то был вокалистом, а найденный фильм как раз к юбилею и напомнил мне об этом.

С оркестром Ю. Башмета на юбилее Дмитрия Маликова

На пресс-конференции журналистами было задано много вопросов, большая часть которых касалась творчества и продемонстрировала профессиональный интерес. Не скрою, меня это очень порадовало: приятно отвечать на серьезные вопросы. Например: «В чем заключается специфическая особенность звучания ВИА «Самоцветы?»».

— Когда я создавал ансамбль, мне казалось, что лучше Beatles ничего нет, — объяснил я журналистам. — Потом я приехал в Японию на выставку «Экспо-70», мне посчастливилось попасть на концерт Тома Джонса, и я был очарован его талантом и мастерством. Позднее, когда мы начали сотрудничать с Вячеславом Добрыниным, наши песни удачно «ложились» на джазовые «рваные» партии бас-гитары, а когда в моду вошло диско, где совсем другая партия баса, нам пришлось искать иные музыкальные ходы. Например, в песне «Все, что в жизни есть у меня» звучит оригинальная партия бас-гитары. Поэтому специфической особенностью нашего вокально-инструментального ансамбля является приджазовый акцентированный бас. А на вопрос о том, что такое «фирменный звук «Самоцветов», я отвечаю так: «Как профессионал могу объяснить, что для достижения фирменной мягкости, переливчатости вокала нужно соединить один женский голос и два-три мужских так, будто это единый тембр, и петь нужно в унисон или аккордами с максимальной мягкостью, чтобы ни один голос не выбивался».

Так «на басах» и «переливчатости вокала» мы пропели до появления эпохи «Ласкового мая». Для нас эта эпоха ласковой не стала. Это был период появления массы рок-групп, точнее, «металлической» части этого направления. Я чувствовал, что «металл» вытесняет нас с эстрады. Басистам и барабанщикам надо было меняться, я уже тогда не мог представить себя в роли бас-гитариста. Мне раньше всегда хотелось играть в симфоническом оркестре. Были смелые планы поработать в камерном оркестре, но не случилось. Зато с оркестром Юрием Башмета я сыграл на своем любимом контрабасе. Бережно храню видеозапись этого выступления с Диминого юбилея.

На все эти вопросы я охотно отвечал на памятной предъюбилейной конференции, ставшей для меня своеобразной исторической вехой — путешествием в былое. Видимо, я так зарепортовался, что в какой-то момент перепутал даже век, в котором прошла моя молодость, и вместо 1975 года сказал «тысяча восемьсот...» Эта оговорка очень порадовала и развеселила журналистов, которые бурными аплодисментами приветствовали меня как выходца из исторических времен.

В начале 90-х годов эстрада наша буквально задыхалась от гигантского количества поп-групп, которые, подобно хомякам, размножались с невероятной быстротой. «Самоцветам» в ту пору было чуть больше 20 лет и, честно признаюсь, мне мучительно трудно далось решение о прекращении нашей творческой деятельности. Музыканты зарабатывали кто чем мог — кто-то делал аранжировки, кто-то работал в качестве звукорежиссера, кто-то занялся сольной карьерой. Я понимал: наши песни не актуальны, «Самоцветы» должны покинуть сцену. Меня мучила мысль, что я зря занялся музыкой... Все время возвращаюсь к этим девяностым, не потому, что мне хочется говорить о том времени, нет! Просто не могу не говорить о нем! Это страшно, когда материальные заботы зачастую вытесняют духовную жизнь.

Это начиналось в период перестройки, ВИА были отодвинуты на задний план новыми коллективами, рок-командами. И молодежь пошла за Виктором Цоем, за «Машиной времени», «Аквариумом», «Арией». Это естественно: мы надоели, нас можно было посмотреть и послушать где угодно, а тех никто не видел. Я сам возглавлял комиссию Комитета по культуре Москвы, которая отсматривала новые коллективы и давала им путевку в жизнь. Мы открыли им путь. В конце 80-х стало ясно, что когда твои дети выходят на сцену и имеют успех, надо дать «лыжню». Я сделал все, что мог, мы до последнего участвовали в творческом процессе, но наши выступления перемещались из Дворцов спорта во Дворцы культуры, потом в Дома культуры... Надо было выходить из игры.

И все же мы не канули в небытие. Когда «Самоцветам» исполнилось 25, мы собрались отметить это событие и от-

На родине Владимира Винокура с его родителями в городе Курске

сняли программу, и вдруг ее востребовали на ТВ! Показали в «Золотом шлягере», повторили по заявкам... Так началось возвращение к жизни «старых песен о главном». Оказалось, что раньше в музыке все было не так уж и плохо! Дорожка ВИА, которая прежде была широкой, а теперь сузилась, обязательно ведет к чьему-нибудь сердцу.

***

Наш ансамбль всегда являлся союзом творчества равноправных, но это не значит, что составляющие его люди были лишены лидерских качеств. Сама жизнь доказала абсурдность такого суждения. Сергей Березин создал ансамбль «Пламя», а Юрий Петерсон и Алексей Кондаков позднее – «Пламя 2000». Вячеслава Добрынина представлять в нашей стране никому не надо – его музыку, особенный голос и манеру исполнения знают все. Я горжусь, что этот талантливый человек начинал свою карьеру у нас как

певец и музыкант. Александр Брондман достиг успеха в области бизнеса, Тигран Асламазян — в науке, Виталий Богданов — в банковской сфере и политике.

Могу назвать очень многих, кто шагнул в самостоятельную жизнь на эстраде из лона семьи «Самоцветов». Алексей Глызин и Александр Барыкин, Сергей Беликов и Владимир Кузьмин, Аркадий Хоралов и Владимир Винокур, Анатолий Могилевский и Дмитрий Маликов — все они прошли школу «Самоцветов». И я рад их успехам и доброй памяти уважения к годам, прожитым рядом, хотя мне и жаль, что «не повторяется такое никогда». Но это закон жизни. Отрадно, что, став звездами, бывшие «самоцветы» продолжают общаться и дружить. Думаю, в этом есть и моя заслуга.

Мне ведь было всего 27, когда я стал художественным руководителем ансамбля, человеком, отвечающим за все и за всех. Очень рано пришлось почувствовать себя ответственным за людские судьбы, и я как-то сразу понял, что не имею права по должности, которую занял, быть некомпетентным, необязательным и... нестрогим. Люди, придя ко мне на работу, доверяли мне свои судьбы, а актерские судьбы — это особенные судьбы, да и творческие люди тоже не совсем обычные индивидуумы. Все складывалось очень непросто. Сегодня я даже иногда чуточку завидую легкости и необязательности нынешних продюсеров, случайных людей, занесенных неведомым ветром в этот сложный и удивительный мир, называемый искусством. У большинства из них нет чувства ответственности за судьбу человека, которого они выбрали себе в «звезды»: не один, так другой. Это особая тема, и она требует особого разговора.

Когда-то великая Эдит Пиаф бросила фразу, очень актуальную и сегодня: «Вы думаете, у нас мало молодых людей, умеющих петь песни? Их тысячи! Но дайте мне личность!».

***

С самого начала и музыкальные обозреватели, и критики, говоря о нашем ансамбле, отмечали верно найденную

естественную манеру сценического поведения, интонацию искренности, умение бережно относиться к исполняемому материалу, тонко чувствовать и интересно интерпретировать песни композиторов самых разных школ. С первых шагов на эстраде мы заявили о своей творческой позиции. Это была, есть и остается активная пропаганда лучших песен отечественных авторов и, надо сказать, эта позиция, ставшая традицией нашего коллектива, бережно хранима и почитаема нами все эти годы.

Именно отечественную песню мы сделали главной в нашем репертуаре и представляли ее в Германии, Польше, Венгрии, Болгарии, Чехословакии, на Кубе, в Алжире, Латинской Америке, став лауреатами многих международных музыкальных фестивалей и конкурсов.

Пресса отмечала необычайную творческую активность «Самоцветов», которые в 1974–1975 годах давали много концертов, гастролируя по Советскому Союзу. Маршрут одной гастрольной поездки иногда включал около тридцати

Юрий Маликов и Елена Преснякова

городов СССР — Киев, Минск, Алма-Ата, Тбилиси, Ростов, Куйбышев, Уфа, Свердловск... Ансамбль выступал на стадионах, во Дворцах спорта, перед аудиторией в 10-15 тысяч зрителей. В Москве знаменитые концерты ВИА «Самоцветы» проходили перед западной трибуной стадиона «Динамо»: при любой погоде и всегда с полным аншлагом — на шоу собиралось по 17 тысяч зрителей.

1975 год — трудная, но этапная веха в моей творческой судьбе. Именно тогда состоялся «раскол коллектива». Со

мною остались Александр Брондман и Евгений Курбаков, а также только что пришедший к нам в ансамбль Владимир Винокур — это из творческого состава, а вот постановочная группа осталась целиком. Предательски ушедшие исполнители во главе с Сергеем Березиным и непонятно на кого обиженным Николаем Раппопортом (Михайловым) создали свой коллектив и назвали его «Пламя».

Тогда я совершил то, что не могу объяснить до сих пор: за 20 дней я не только набрал новых исполнителей, но и подготовил с ними новую концертную программу практически с новым репертуаром! Я не случайно три раза в этой фразе употребил слово «новое». В этом и было все дело: фактически оказавшись в цейтноте, проделал в 1975 году снова ту же работу, что и в 1970 — 71 годах, только в более короткий срок. Да, это было необычайно трудно, но я это сделал и горжусь этим. Не вижу смысла в обсуждении сейчас деталей и причин, приведших к «разлому» «Самоцветов». Очевидно, у нас оказались разные взгляды на творческие перспективы, на жизнь, предназначение на российской эстраде... К сожалению, в истории «Самоцветов» раскол коллектива имел место, и никуда от этого не денешься, как бы ни хотелось предать этот печальный факт забвению.

В конце 1975 года в новый состав «Самоцветов» вошли барабанщик В. Полонский, гитарист В. Хабазин из ансамбля «Веселые ребята», из «Москонцерта» — трубач В. Беседин, а из ансамбля «Ты, я и песня» — пианист и аранжировщик В. Кретюк. Именно в это время в «Самоцветах» появились Е. Кобзева-Преснякова и В. Пресняков, говоря о котором, мы сейчас добавляем приставку «старший», в те годы он был моложе нынешнего «младшего».

Основой репертуара «Самоцветов» всегда являлись песни советских композиторов, но это не значит, что мы игнорировали произведения более крупных форм. С успехом в нашей программе исполнялась композиция, созданная на основе песен народов СССР. Она занимала 13 минут сценического времени, а это немало. Другая композиция «Сны» звучала почти 20 минут.

Для участия в культурной программе «Олимпиады-80» мы подготовили композицию на темы русских народных песен. В нее вошли «Ой, мороз, мороз...», «Эй, ухнем», «Коробейники», «Вечерний звон», «Степь да степь кругом!» и другие песни. Не могу не вспомнить программу «Семь чудес света», которую с полным правом можно назвать интернациональной. Когда мы ее готовили, то ставили перед собой две главные задачи: языком песни рассказать о семи чудесах света и рассказать так, чтобы зрители любой страны мира поняли нас без переводчика.

Мне всегда хотелось создать на базе нашего ансамбля что-то масштабное, музыкально сложное, со своим сюжетом и драматургией. И таким крупным театральным музыкальным действием в нашем репертуаре стала вокально-инструментальная композиция «Франциско Гойя». Музыка к этой постановке написал В. Пресняков.

Сценическое действие было выстроено в форме рассказа старого художника о своей жизни — его воспоминания о друзьях, творческих исканиях, победах и страданиях. В драматургическую канву органично вплетались музыкальные эпизоды: танцы, вокальные дуэты, сольное пение. В музыке мы активно использовали узнаваемые интонации испанских народных мелодий, а все происходящее на сцене шло на фоне полотен, созданных великим художником. Технически эта работа выполнялась путем демонстрации слайдов, воспроизводящих репродукции картин Франциско Гойя.

Но, пожалуй, самой знаменательной и масштабной в области театрализации стала работа над музыкальным спектаклем «Игра в волшебный тир», постановку которого мы с Владимиром Пресняковым и известным эстрадным режиссером Григорием Кантором осуществили в 1985 году на сцене Театра Эстрады на Берсеневской набережной. Только там этот спектакль прошел почти 100 раз.

«Игра в волшебный тир» — один из первых опытов создания музыкального спектакля на базе ВИА. Синтез приемов вокально-инструментального ансамбля с театрализацией символизировал появление на эстраде новой сценической формы. В этой постановке стремление к активной

театрализации проявилось еще отчетливее, чем в спектакле «Франциско Гойя». К плюсам этой работы критики отнесли сохранение исполнительских традиций — лирический распев под пульсирующий ритм и органическое актерское поведение в сценическом проживании действия.

Пресса тогда очень внимательно отнеслась к нашей работе, и в разных изданиях активно цитировался мой ответ на вопрос: «Что стоит за названием спектакля?». Я отвечал так: «На сцене у нас — тир. Правда, не обычный, а волшебный. Мишенью здесь являются мечты, и главное — это попасть в цель. Мы призываем зрителя выбрать свою цель и достичь ее. А мы помогаем в этом музыкой и песней. Цель всех людей — сблечь мир, и поэтому наша главная песня называется «Земля — это мир». Это и есть основная мысль спектакля».

В спектакле помимо моей музыки с Владимиром Пресняковым на стихи Бориса Пургалина и Бориса Салибова звучало много известных песен советских композиторов. Были заняты певец и бас-гитарист Сергей Беликов, ударник Владимир Полонский, известный саксофонист-импровизатор, лауреат международных джазовых фестивалей Владимир Пресняков, наши замечательные солисты-вокалисты Елена Кобзева, Олег Слепцов, Александр Нефедов, Андрей Сапунов и другие.

Репетиции и премьерные показы спектакля «Игра в волшебный тир», с которым мы потом побывали во многих городах страны и за рубежом, проходили на сцене Московского государственного театра Эстрады, художественным руководителем которого в те времена был народный артист РФ Борис Брунов. Его незабвенной памяти низко кланяются многие нынешние звезды, которых он вывел впервые на эстраду и дал им возможность реализовать свой творческий дар.

Но не только о молодых «болел» душой великий мастер конференса. Именно он возвратил на эстрадные подмостки ушедших в небытие замечательных актеров, которые, «войдя в возраст», могли еще многое сделать на эстраде. И для нас, его коллег, и для зрителей, как и прежде, оставались любимыми и желанными исполнители Т. Кравцова, Н. Дорда, Н. Щукин, Н. Никитский, Р. Романов. Для них,

чьей-то недоброй волей отлученных от эстрады, Б. С. Брунов придумал программу «Татьяна, помнишь дни золотые». И этой работой на законных основаниях утвердил ретро-стиль на современной эстраде, а заслуженным мастерам жанра вернул статус звезд и их родную сцену — Театр Эстрады. Созданный правительством Москвы в трудные послевоенные времена как лаборатория возвращения будущего российской эстрады, театр на Берсеневской набережной стал родным домом для многих поколений артистов, отдавших жизнь этому направлению в искусстве.

Ансамбль «Самоцветы» Брунов не только любил, он высоко ценил наше стремление к поискам и преданность отечественной музыке. В Театре Эстрады мы были свои, и сегодня, вспоминая эту работу, ставшую этапной для «Самоцветов», я через годы вновь и вновь шлю свою благодарность Б.С. Брунову и его команде высокопрофессиональных редакторов, умеющих понимать, беречь артистов и помогать им.

У ВИА есть своя специфика, она и определила интерес зрителей к этому направлению в музыке: людей привлекает

Фрагмент из спектакля «Волшебный тир». 1985 год

Людмила Вьюнкова и Олег Слепцов

исполнение ансамбля, а не отдельных солистов. Это не значит, что я стремлюсь обесценить дарование исполнителей. Но ансамбль — это особая ценность! Те, кто хотел делать сольную карьеру, естественно, потом уходили: их не устраивало, что в ВИА исполнители несколько обезличены.

Еще раз повторяю: исполнитель со своей манерой, обаянием и голосом в судьбе песни решает многое. Еще Марк Бернес говорил, что без поэта, композитора и исполнителя нет песни. Сейчас могу к этому перечислению добавить аранжировщика. В свое время, имея некий каркас песни, мы делали аранжировку, которую потом дорабатывали на концерте. Теперь музыканты работают по-другому: они делают запись, а потом с готовой фонограммой выступают на концерте. Сейчас вообще все по-другому. Я иногда испытываю острое чувство ностальгии по тому, что ушло. Мне думается, что и время тогда было добрее, и люди, и песни, и музыка. Наверное, это издержки возраста. Я помню, как мы вкалывали! Если в день

состоялось два выступления — этот день считался выходным. Тогда была эпоха массового увлечения песнями ВИА. Стадионы и Дворцы спорта просто ломились от зрителей. Но разве можно говорить об усталости, если тебе ежедневно подпевали несколько тысяч человек?

Напряженный график удавалось выдержать благодаря строгой дисциплине. На автобус разрешалось опаздывать только на пять минут. Тогда, по молодости, я считал такую строгость правомерной, сейчас думаю иначе. Наверное все-таки с творческими людьми надо было вести себя помягче, поделикатнее... Хотя наши же музыканты, уйдя из «Самоцветов» и став руководителями коллективов, говорили, что на своем опыте поняли: требования, возмущавшие их строгостью, были единственно правильным решением, направленным на сохранение дисциплины. А Анатолий Могилевский, уехав в США продолжать свою музыкальную карьеру, говорил мне, что там требования шоу-бизнеса в сто раз жестче и круче.

От природы я человек добрый и с юного возраста стремился с уважением относиться к другим людям. Знаю, что криком, стремлением обижать, унижать людей ничего не добьешься. Да, тебя будут бояться, но разве это надо? Я мечтал о союзе единомышленников, хотел, чтобы рядом были талантливые, красивые, трудолюбивые и доверяющие мне как художественному руководителю люди. Мне казалось, что иногда удавалось создать такой союз.

В «Самоцветах» всегда понимали, что когда речь идет о профессии, об исполнительском и художественном мастерстве — это совсем другое дело: это ра-бо-та! Творческая работа. И требования здесь удесятятся. Эстетика, культура, воспитание — неотъемлемые составляющие понятия «творческая деятельность». Это труд, а труд музыканта и вокалиста — особый труд и особая ответственность.